

Чеховские спектакли в Узбекистане

15 июля трудящиеся нашей страны и все прогрессивное человечество отмечают 50-летие со дня смерти великого русского писателя Антона Павловича Чехова.

В связи с этой датой закономерно желание оглянуться в прошлое и вспомнить сценическую историю чеховской драматургии у нас в Узбекистане, рассказать, как она утверждалась на сцене местных театров.

Ташкент познакомился с творчеством Чехова-драматурга еще до революции. Известны постановки комедий Чехова силами офицеров и солдат Ташкентского гарнизона («Предложение» в 1897 г.). Позднее ставят «Предложение» и «Медведь» актеры-любители Ташкентского драматического общества под руководством старейших его членов Н. Ф. Ульянова и П. М. Боронина. Включали в свой репертуар произведения Чехова любительские коллективы Самарканда, Коканда и других городов Туркестанского края.

Первое знакомство с большими многоактными произведениями драматургии Чехова состоялось летом 1900 г. во время приезда в Ташкент труппы В. М. Янова. Театр показал новинку — «Дядя Ваня». Но пьесу Чехова театр не понял. Не поняли ее ни режиссер спектакля, ни исполнитель главной роли дяди Вани. Всю трагедию простого человека, смятого пошлостью и несправедливостью жизни того времени, режиссер свел к личной драме интеллигента, неосторожным поступком (ссора с Серебряковым) разбившего свое счастье. Не была понята театром и пьеса «Три сестры», поставленная той же труппой в Ташкенте два года спустя.

Коллектив старательно разучил текст, тщательно скопировал мизансцены спектакля «Три сестры» в МХАТе, но ни актеры, ни режиссер не смогли добиться главного — глубоко разобраться в идейном содержании пьесы и правдиво, худо-

жественно воплотить замысел произведения на сцене, вдохнув в постановку жизнь. Спектакль получился скучным, вялым, пассивно-созерцательным. Однако текст бессмертного творения Чехова таил в себе такую взрывную силу (вспомним слова Тузенбаха о надвигающейся очистительной силе), что даже в бледном изложении театра насмерть перепугал официальные круги города. Они поспешили в своих печатных органах обрушиться на пьесы и спектакли Чехова, объявить драматургию Чехова антихудожественной и бесполезной.

«Такие пьесы,—заявила газета «Русский Туркестан» о «Дяде Ване», — беспечны и не нужны». «Пьеса, подобная драме «Три сестры», не может служить высоким целям искусства», — вторила газета «Туркестанские ведомости», призывая показывать спектакли, на которых можно было бы развлечься, забыв горести повседневной жизни. Не по душе пришлась им драматургия, требовавшая правдивого отражения жизни. «Сумеречной» назвали они драматургию Чехова, а автора — нытиком, певцом гибели и разрушения жизни. Так и понимали актеры драматургию Чехова, так и играли «Иванова» в Самаркандском кружке любителей в 1905 г., «Вишневый сад» в труппе З. А. Малиновской в 1904 г.

Неправильные взгляды о несценичности пьес Чехова, пессимизме его творчества, провалы чеховских спектаклей до революции в Узбекистане вызвали недоверие к произведениям Чехова, мешали правильному пониманию и оценке их идейного и художественного богатства.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции помогла театральным работникам пересмотреть свои взгляды на творческое наследие А. П. Чехова, увидеть в его произведениях оптимистическое начало, что так старательно стремились скрыть буржуазные искусствоведы. Ярким примером попытки нового прочтения дра-

матургии Чехова может служить постановка его пьесы «Три сестры» русским театром в Коканде (1920 г.).

Не все было достигнуто коллективом и в этой постановке. Во многих сценах еще звучали уныние, безысходная тоска, грусть. Но что важно и что отличало спектакль кокандцев от постановок прошлых лет: коллектив с первых же сцен четко наметил себе основной вопрос, разрешению которого и посвятил себя каждый участник спектакля: стоит ли жить в таких условиях или нет? Уже в первом акте спектакля на сцене задается этот вопрос: «Зачем жить?» Он настойчиво и громко звучит в последующих картинах. Зачем жить, когда нет ни сил, ни воли бороться с вторжением Наташи, Протопопова, когда тебя окружают Медведевы, Соленьные, когда последняя надежда — брат Андрей отказывается от идеалов молодости? Зачем жить?!

Но в первом же акте спектакля на этот вопрос раздается и ответ: «Надо жить!» Вначале он произносится еще неуверенно, робко, шепотом, задумчиво, с трудом и колебаниями. В конце — определеннее и яснее. Его укрепляет страстная вера Тузенбаха в близкий конец старой жизни: «Пришло время, надвигается на всех громада, готовится зловещая, сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубежденность к труду, гнилую эску...» И сестры верят в новое, светлое. «В эти минуты прозвонения, возрождения», — писала местная газета «Известия», — их надежды окрыляются, вся обстановка принимает другую окраску, и верится им, что где-то есть счастливая, прекрасная жизнь, которая тянет и манит их к себе!» В эти минуты ответ «Надо жить!» звучал в спектакле твердо и убедительно. В таких сценах театр по-настоящему понимал Чехова и спектакль поднимался до подлинно чеховского оптимизма.

В этом было новое прочтение театром Чехова, революционный пересмотр установившихся старых понятий и взглядов на идейное и художественное богатство Чехова-драматурга.

Постановка спектакля «Три сестры» имела большое значение для творческого роста актеров и режиссуры кокандского театра. Мало было в то время пьес, которые давали бы возможность достигнуть правды на сцене, и тут на помощь пришла чеховская драматургия.

Но все же для того, чтобы чеховские пьесы получили свое подлинное разрешение на сцене, театрам республики пришлось пройти бурные годы — годы упорного труда и учебы, овладения мастерством.

Новым этапом сценической истории драматургии Чехова в Узбекистане явилась постановка коллективом русского театра имени Горького в г. Ташкенте пьесы «Три сестры» в 1941 г., за несколько месяцев до Великой Отечественной войны. Работа над спектаклем «Три сестры» отличалась глубоким изучением текста пьесы, критическим анализом искусствоведческой литературы о Чехове-драматурге, верным и предельно ясным выявлением идейной сущности произведения. В итоге театр окончательно вернул реализму Чехова мужественность, социальный оптимизм. С исторической правдивостью показал театр горечь жизни в дореволюционной России. Но основным его звучанием была не элегическая скорбь над неудавшейся жизнью сестер и обитателей дома Прозоровых, а твердая уверенность, что придет время, когда человек станет прекрасным во всю меру своих сил, что жить станет лучше.

Чеховская драматургия, в частности пьеса «Три сестры», сложна. Люди в пьесах говорят, обедают, играют в карты, а в это время разбивается их жизнь, складывается их счастье. В последних картинах действия героев мало чем отличаются от того, что они делали вначале. Но за это время жизнь успела во многом измениться и изменить самих героев. Все они еще вместе, но дружная семья Прозоровых распадается. Все эти перемены возникли не от того, что делали или говорили герои пьесы. Сама жизнь движет действие и часто

в противовес их поступкам и словам. И люди сознают эту неумолимость жизни. Так возникает подтекст. «Этот сложный подтекст театр раскрыл правильно», — писала газета «Правда Востока». Действие спектакля развивалось не внешними сюжетными ходами, а внутренним «подводным течением», предельно четко выявленным режиссером и актерами Г. Н. Загурской (Ирина), О. Д. Петровой (Маша), О. И. Андреевой (Ольга) и другими.

Спектакль отличался глубиной разработки характеров. Режиссура помогла актерам, выявила в актере все его возможности, заставила их отказаться от привычных приемов игры и, продолжает газета, «...на этот раз мы не увидели на сцене Загурской, Розанцева, Слободского, Давыдова, Воробьева, Злобина и других знакомых, привычных нам актеров — мы увидели чеховских героев, живущих на сцене, заставляющих нас волноваться их горем и радоваться их радостями».

Успех спектакля «Три сестры» — яркое свидетельство идейно-художественного роста театральной культуры Узбекистана, победы советского театра, вооруженного мощным оружием советской эпохи — методом социалистического реализма.

Работа над драматургией Чехова в Узбекистане не прекращалась и в последующие годы.

В период Великой Отечественной войны, несмотря на трудности военного времени, общественность республики широко отметила 40-летие со дня смерти А. П. Чехова. Ташкентский театр имени Горького и Русский самаркандский театр откликнулись постановкой пьесы «Дядя Ваня» (1944 г.).

Театры не случайно остановили свой выбор на этой пьесе. Несмотря на отдаленность событий, это произведение Чехова своей страстной и непоколебимой верой в счастье простого труженика на земле, своим суровым и уничтожающим осуждением мира тунеядцев и паразитов, мешающих этому счастью, как никогда было близко советскому актеру и зрителю военных лет. Коллективам близка была эта пьеса своим активным началом, протестом против мрака и насилия.

Спектакли приобретали остроту соци-

ального столкновения, в них создавалась напряженная атмосфера боев и схваток. Пусть эта трактовка несколько более остро, чем у Чехова, акцентировала действительное начало в разработке положительных героев и их поступков. Но величественные события, развернувшиеся на фронтах Отечественной войны, во многом оправдывали этот акцент — так воспринимал пьесу актер-воин, так требовал от него современник-боец, ведущий освободительную войну с иноземными захватчиками.

В послевоенный период известна постановка в Узбекистане пьесы «Вишневый сад», осуществленная Русским самаркандским театром в 1951 году. Коллектив театра (режиссер Ю. А. Алябьев) сумел правдиво и тонко раскрыть отживающий, обреченный, старый усадебный мир дореволюционной России.

Краткий экскурс в прошлое истории театра Узбекистана наглядно показал сценический путь драматургии Чехова, с каким трудом она завоевывала признание у актеров, у широкого зрителя. Практика показала, что постановка пьес Чехова всегда являлась событием большого культурного значения как для театра, обогащая профессиональное мастерство его коллектива, так и для зрителя, повышая его культурный уровень.

К сожалению, есть еще театры в Узбекистане, которые до сего времени избегают включать в свой репертуар пьесы Чехова. До наших дней у некоторых театральных работников сохранились взгляды о несценичности, о непопулярности пьес Чехова среди массового зрителя.

Дело, конечно, не в этом. В основе этого молчания лежит боязнь трудностей, которые неизменно при постановке глубокой в своей идейно-философской основе драматургии великого писателя-мыслителя. Настало время, когда к драматургии Чехова необходимо обратить свое внимание узбекским переводчикам и драматургам, творческим работникам узбекского театра. Узбекский зритель давно уже ждет от своего театра чеховских спектаклей.

В. ДЯЧЕНКО.

Редактор С. СОКОЛОВА.